

Международная конференция «Между этносом и Евразией. Идеи и влияние Л. Н. Гумилева» (Москва, 27 июня 2005 года)

Конференция проходила в Институте истории естествознания и техники (ИИЕТ) имени С. И. Вавилова РАН. Проводилась она при поддержке Французско-Российского Центра исследований по гуманитарным и социальным наукам (Centre Franco-Russe de recherche en sciences humaines et sociales) и Национального Совета по евроазиатским и восточно-европейским исследованиям США (National Council for Eurasian and East European Studies, Washington DC).

С кратким вступительным словом выступил один из организаторов конференции **Марк Бассин** (Университетский колледж, Лондон).

Директор ИИЕТ РАН **А. В. Постников** рассказал сначала об истории и основных направлениях работы института. Затем он поделился воспоминаниями о Л. Н. Гумилеве, относящимися к тому времени, когда сам Постников был ученым секретарем Московского филиала Географического общества СССР. Л. Н. Гумилев не только активно участвовал в работе Географического общества в Ленинграде, но и приезжал в Москву. Выступления оригинального и эрудированного ученого собирали здесь большую аудиторию; заседания в эти дни заканчивались поздно вечером и даже с наступлением ночи.

Собственный доклад Постникова был посвящен тем историко-географическим исследованиям Центральной и Средней Азии, которыми занимался Л. Н. Гумилев и в основу которых легли карты, атласы и географические описания, составленные в Китае во второй половине XVIII века, доставленные тогда же в Россию (в частности, А. Владыкиным) и хранящиеся ныне в Санкт-Петербурге. Итогом этих исследований стала подготовленная Л. Н. Гумилевым и М. Ф. Хваном книга «Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии» (Чебоксары, 1960). По мнению Постникова, это направление историко-географических исследований не поощрялось ни в царской России, ни в СССР. Государство не хотело, чтобы достоянием широкой общественности стали сведения о масштабах китайской экспансии в западном направлении. То, что Л. Н. Гуми-

лев продуктивно занимался данной проблематикой, говорит о его смелости и независимости.

Г. П. Аксенов (ИИЕТ РАН) выступил с докладом «Пассионарий и ученый: сравнительная характеристика». В основу доклада было положено сопоставление некоторых тезисов теории ноосферы В. И. Вернадского и теории пассионарности Л. Н. Гумилева. Наибольшее внимание Аксенов уделил генезису западноевропейской науки, отождествив его с появлением юриспруденции, теологии, схоластики, университетов. Датируя эти инновации западноевропейской культуры XII–XIII веками, докладчик определил их как непосредственные последствия «папской революции» (данный термин, по всей видимости, соответствует клюнийской реформе, созданию и укреплению папской теократии в результате деятельности Григория VII и Иннокентия III). Установление связи ранней европейской науки с историей христианства и католической церкви позволило Аксенову дать отрицательный ответ на основной интересовавший его вопрос: может ли наука играть «хоть какую-то роль» в этногенезе? Ведь христианство является не этнической, а мировой религией, деятели его всегда подчеркивали общемировое предназначение веры и церкви Христовой.

Одним из итогов событий XII–XIII веков было появление ученых как новой «ответственной группы», «сословия докторов». По мнению докладчика, Л. Н. Гумилев не отделял ученых от других пассионариев, например от пассионарных военачальников. Но Аксенов считает, что не пассионарность двигала учеными и церковными вождями клюнийского движения, в том числе сверхэнергичным Григорием VII; в них «действовала какая-то иная энергия». Ее природа не вполне ясна и лишь в какой-то мере подпадает под гумилевское понятие «пассионарного поля».

Главным в докладе **И. И. Мочалова** (ИИЕТ РАН) был вопрос о реальности ноосферы. Докладчик ответил на него отрицательно в самом начале: «Ноосфера не была реальной, не реальна сейчас и не будет реальной в будущем». Мочалов признал, что ранее он, «как правоверный коммунист», высказывал прямо противоположную точку зрения. Для В. И. Вернадского ноосфера была идеалом будущего, одним из идеалов-миражей научного социализма. Л. Н. Гумилев пристально интересовался учением В. И. Вернадского о биосфере, но к теории ноосферы относился скептически, указывая прежде всего на глобальный экологический кризис, сам факт которого оспаривал основную идею В. И. Вернадского. Л. Н. Гумилев, по мнению Моча-

лова, стоял на более правильных и современных позициях. Ноосфера — «такая же химера, как научный коммунизм», «скорее религиозно-мифологическая идея, нежели реальность». Впрочем, обнадежил в заключение докладчик, понимание ноосферы как химеры не должно ввергать нас в пессимизм. Утопический идеал ноосферы — светлый идеал, и поэтому сам по себе обладает позитивным потенциалом. Возможно, в той или иной форме он реализуется в отдаленном будущем, о чем свидетельствуют некоторые, фиксируемые уже сейчас, тенденции ноосферного характера.

Пессимизм Мочалова вызвал некоторое недоумение. Так, автор этих строк спросил его, как он оценивает ноосферный потенциал глобальных телекоммуникаций, конкретнее, Интернета, о котором не имели понятия Л. Н. Гумилев и тем более В. И. Вернадский и у которого структура не иерархическая, а ризомная (сетевая). Мочалов высказался в том смысле, что Интернет можно рассматривать как техническую предпосылку ноосферы, но он приносит, наряду с позитивными, и негативные результаты, и последние, пожалуй, преобладают.

Частной проблеме, не имеющей прямого отношения к наследию Л. Н. Гумилева, было посвящено сообщение **В. В. Глушкова** (ИИЕТ РАН) «Этнос и география: куда ушли “онкилоны”?». Легендарные онкилоны известны широкой аудитории по повести В. А. Обручева «Земля Санникова», неплохо экранизированной в 1970-х годах. Глушков уверен, что онкилоны были реальным эскимосоязычным народом. Первоначально их ареалом был остров Врангеля, с которого они были вытеснены чукчами, до конца XVIII века сохранявшими воинственность и расширявшими свою территорию. Переселились онкилоны, вероятнее всего, на Новосибирские острова, которые находятся в зоне сейсмической активности и потому могли некогда иметь гораздо более теплый климат, так что «часть их можно назвать даже не Землей Санникова, а Землями Санникова». В той же зоне находится и подводный хребет Гаккеля, благодаря чему западнее и северо-западнее острова Котельного могла находиться обширная полынья. На Новосибирских островах онкилоны, по мнению Глушкова, вполне могли жить какое-то время, пока климатические условия это позволяли, то есть до очередного пика сейсмической активности, изменившего эти условия в неблагоприятную сторону. Докладчик утверждал, что онкилоны не исчезли, а предприняли дальнюю миграцию в пределах циркумполярной зоны. Возможно, их потомками являются современные эскимосы Аляски или Гренландии.

Марлен Ларюэль (Центр по изучению России, Кавказа и Центральной Европы Школы высших социальных исследований, Париж) сосредоточилась на анализе философии истории и науки Л. Н. Гумилева. По ее мнению, отправной точкой и лейтмотивом практические всех крупных историографических и историософских работ Л. Н. Гумилева была постоянная и резкая критика предшествующей историографии. Он считал ее поверхностной и настойчиво призывал к более глубокому пониманию истории. В частности, он часто упрекал историков в игнорировании роли личности в исторических процессах. С философской точки зрения такой упрек может быть принят, но имеет все шансы оборачиваться парадоксом: чем в большей степени целью исторической науки определяется человек, тем в меньшей степени историческое исследование достигает сколько-нибудь существенных целей.

Л. Н. Гумилев не признавал деления на гуманитарные и естественные науки. Если проанализировать его высказывания по методологическим вопросам, то можно сделать вывод: идеальное историческое исследование должно вестись с учетом трех основных групп факторов — ландшафтных, этнических и политических. Оставаясь гуманитарием, Л. Н. Гумилев подчеркнуто ориентировался на методологию естественных наук. Отсюда — своеобразные приемы селекции и препарирования фактов («Я обращаюсь с фактами не как гуманитарий, а как натуралист»), а также особая роль таблиц в его книгах. Несомненно, его привлекала способность естественных наук представлять убедительные и точные реконструкции. Но вряд ли большинство его собственных исторических реконструкций так же убедительны и точны. Это, по мнению Ларюэль, свидетельствует о крайней парадоксальности эпистемологии Л. Н. Гумилева.

А. Н. Земцов (ИИЕТ РАН) выступил с докладом «Влияние работ Л. Н. Гумилева по этногенезу на развитие студенческого свободомыслия в Ленинграде в 1970-е годы». Он сопоставил хронологию диссидентского движения 1968–1979 годов и научного творчества Л. Н. Гумилева до момента депонирования в 1979 году рукописи «Этногенез и биосфера Земли». В отличие от более поздних публикаций Л. Н. Гумилева, эта книга «не имела политического запаха». Л. Н. Гумилев в 1960–1970-е годы был прежде всего пропагандистом экологии и оказал большое влияние на формирование «зеленого свободомыслия» — экологического сознания советской молодежи. Вообще же он поздний представитель «русского космизма», и среди его предшественников автор доклада назвал не только В. И. Вернад-

ского, но и А. В. Барченко и Г. И. Бокия, получивших некоторую новую известность благодаря публикациям последних лет.

Доклад А. Н. Земцова вызвал серьезные возражения. Выступавшие сомневались в том, что именно книги и статьи Л. Н. Гумилева стали основным источником «зеленого свободомыслия». В гораздо большей степени эту роль сыграла собственно экологическая публицистика. Что касается «массовых молодежных волнений» в Ленинграде 4–5 июля 1976 года, то во время их экологические мотивы отсутствовали; как признал сам докладчик, инцидент был результатом странной истории с оповещением о концерте рок-музыки, а затем с отменой этого концерта. До рубежа 1970–1980-х годов Л. Н. Гумилев не был «властителем дум», его имя было известно в основном специалистам-историкам.

А. С. Титов (Школа славянских и восточноевропейских исследований Университетского колледжа, Лондон) предпринял сравнительный анализ понятий культурно-исторического типа у Н. Я. Данилевского и суперэтнуса у Л. Н. Гумилева. Л. Н. Гумилева действительно можно считать последним крупным и ярким последователем идеи локальных цивилизаций Н. Я. Данилевского. Оба они отвергали как непродуктивный линейно-эволюционистский подход в мировом масштабе и активно отстаивали полицентрическое понимание истории. Обоих можно в определенной степени называть историками-биологизаторами. Хотя Л. Н. Гумилев активно отбивался от обвинений в биологизации, но и в его творчестве, и в творчестве Н. Я. Данилевского нашли воплощение виталистские (органицистские) идеи. Оба ориентировались на естественно-научную интерпретацию изучаемых феноменов — и у обоих такая ориентация не сопровождалась ясной методологией и не приносила убедительных результатов. Так, у Л. Н. Гумилева объяснение, то есть конечный результат исследования этнической истории, имеет естественно-научную форму, описание же, как правило, ведется с бихевиористических позиций и опирается на «живую феноменологию».

Доклад Титова имел подзаголовок: «Пределы сходства». Н. Я. Данилевский выделял десять культурно-исторических типов и сосредоточивался на «славянском типе», наиболее полно воплотившемся в русском народе. Л. Н. Гумилев видел гораздо большее количество суперэтносов и в общем не был склонен приписывать русским какие-то приоритетно-мессианские особенности. Н. Я. Данилевский, в отличие от Л. Н. Гумилева, отрицал единый закон этногенеза и обходился без какого-либо понятия, аналогичного «пассионарно-

сти», играющей главную роль в этногенетической теории Л. Н. Гумилева.

Доклад **В. А. Коренько** (Государственный музей искусства народов Востока, Москва) «Критика Л. Н. Гумилева в российской науке и публицистике» охватывал в основном этногенетическое направление работ Л. Н. Гумилева и не касался критики его евразийских взглядов и тех его высказываний, которые могут быть интерпретированы как антисемитские. По своей критической направленности этот доклад резко отличался от большинства других выступлений, выдержанных в комплиментарном или нейтральном духе, соответственно и вызвал наибольшее количество вопросов и выступлений.

В первой части доклада Коренько рассмотрел, пожалуй, наиболее серьезный опыт академической критики взглядов Л. Н. Гумилева по проблемам этноса и этногенеза — дискуссию «Этногенез и этносфера» в журнале «Природа» в 1970–1971 годах. Затем докладчик обратился к научной биографии Л. Н. Гумилева и попытался показать, как в течение 1970–1980-х годов ученый все больше ориентировался на читательский и издательский спрос и эволюционировал от академизма к дилетантизму. Эта эволюция вполне проявилась уже в издании дилетантского и изобиловавшего ошибками альбома «Старобурятская живопись» (1975). Деградация Л. Н. Гумилева как исследователя достигла апогея в разработке им стержневого понятия «пассионарной гипотезы» — представления о космическом факторе как внеземном энергетическом импульсе, порождающем «пассионарный толчок» и стимулирующем этногенетические процессы. Это представление не имеет ничего общего с азами астрофизики и обнаруживает такой уровень дилетантизма, который в другое время или в ином обществе навсегда похоронил бы репутацию ученого. Чего, однако, не произошло в России, где в силу специфических особенностей и академических кругов, и «образованного общества», и массового сознания Л. Н. Гумилев стал «властителем дум» и «культовой фигурой».

В докладе **В. А. Шнирельмана** (Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН) «Альтернативное евразийство» рассматривались различные идеологические проекты, возникшие в СНГ и призванные, по замыслам их создателей и пропагандистов, выполнять ту же роль, что и евразийские идеи для русских и России. Так, на Украине после того, как президентом страны стал В. А. Ющенко, возобладала идея решительного «вхождения в Европу», не предусматривающая никакого славяно-тюркского единства.

Но существуют и два варианта евразийской идеологии. Первый, «центристский», пользовался поддержкой экс-президента Л. Д. Кучмы и его соратников; им не предусматривается разрыв с Россией, допускается вхождение в «евразийский пояс». Второй — «национал-патриотический», «украинизированный» вариант евразийства, популярный в УНА — УНСО; от российского он отличается тем, что ведущая роль в нем отводится Украине.

В тюркском мире евразийская идея воспринимается очень неоднозначно. При значительном распространении пантюркистских идей (проекта «Великого Турана») евразийский образ тюрко-славянского равноправного союза сохраняет популярность. При соблюдении принципов паритетного сотрудничества, культурной и религиозной терпимости он вполне устраивает широкие интеллектуальные круги в Казахстане, Татарстане, Башкортостане, Якутии-Саха. И наоборот, мало кого привлекает присущая традиционному («первичному») евразийству установка на унитарное государство. Понятно, что тенденции, после 1998 года обнаружившиеся в политике федерального Центра (укрепление «властной вертикали», смена идеологических ориентиров, государственное покровительство Русской Православной Церкви), усиливают скептические настроения. На Северном Кавказе есть свои аналогии евразийской концепции. Но они имеют региональный характер: не выходят за пределы Кавказа (идеи «кавказской цивилизации», «горской цивилизации», «общего кавказского дома») или вообще относятся к той или иной группе родственных этносов (наиболее известна идея адыгской общности). Армянских интеллектуалов не устраивает евразийская концепция союза с тюркскими народами. В противовес ей популяризируются идеи единства христианских или «арийских» народов и образ Армении как единственного надежного союзника России. В итоге, как подчеркнул Шнирельман, «альтернативное евразийство» демонстрирует такой идейный разброс, что правомерно вспомнить негативную характеристику, которую дал П. Н. Милюков евразийству как весьма противоречивой и рыхлой концепции.

К. Э. Аксенов (географический факультет Санкт-Петербургского государственного университета) свой доклад «Идеи Л. Н. Гумилева в современных российских геополитических концепциях» начал с утверждения, что самого Л. Н. Гумилева нельзя назвать геополитиком безоговорочно. Он не занимался политикой и лишь в последние годы жизни рассуждал на политические и геополитические темы. Две его идеи были заимствованы отечественными геополитиками:

о нежелательности интеграции в Европу и о Евразии как общем пространстве СССР, России и Монголии. Однако влияние наследия Л. Н. Гумилева на современную геополитику заметно — это видно хотя бы по обильным ссылкам на него. Помимо разрабатывавшихся Л. Н. Гумилевым указанных евразийских идей публицистов-геополитиков привлекает теория пассионарности. Однако остается неясным и дискуссионным применение пассионарной теории в нескольких аспектах: 1) современных геополитических знаний, 2) новой геополитической эпохи, 3) территории и границ России, 4) геополитического положения современной России и геополитических сценариев для нее.

При оценке использования идей Л. Н. Гумилева в геополитике возникают существенные и трудноразрешимые противоречия. Так, хотя именно ему принадлежит претендующая на универсальность концепция, все его работы мало связаны с современной ситуацией. Эта концепция претендует на измеримость и прогностичность, но применявшийся в ее рамках анализ — преимущественно качественный. Концепция Л. Н. Гумилева сфокусирована на России и именно российская проблематика разработана им наиболее подробно; но эта же концепция в такой степени идеологизирована, что возникает вопрос, насколько успешно «наука пройдет испытание национализмом».

Итоги конференции были подведены ее организаторами. Мне, как участнику, представляется, что она отличалась от других многочисленных конференций, посвященных Л. Н. Гумилеву. Прежние конференции были, как правило, панегирическими, нынешняя в какой-то степени нарушила эту традицию. И это радует, поскольку идеи Л. Н. Гумилева, незаурядного и противоречивого мыслителя, можно и должно не только пересказывать и популяризировать, но и анализировать — трезво, объективно, критически.

Владимир Коренько